

Д. В. ФИЛОСОВ

Липовый чай

(К пятилетней годовщине со дня смерти А. П. Чехова)

Русские писатели почти никогда не ограничивались "чистым искусством". Все они философствовали, занимались политикой, -- словом, были "учителями жизни".

Чехов до самой смерти остался только художником. Он избегал высказываться по каким бы то ни было вопросам, занимавшим русское общество.

Конечно, ему приходилось сталкиваться с людьми самыми разнообразными, высказывать свои мнения. Но это были мнения собеседника, а не учителя. Появившиеся в печати письма его напоминают письма Тургенева. Непринужденная беседа, меткие характеристики, крайне переменчивое настроение. Тонкая, впечатлительная душа, разрешающая свою трагедию в юморе.

До чего эти письма не похожи на письма Льва Толстого! Толстой всегда учит, всегда требует, дает совет, как жить и что делать. К Толстому все обращаются как к учителю. У Чехова же вряд ли кто искал жизненного руководства. Более того. Сколько раз мы читали в газетах, что Максим Горький по данному вопросу, хотя бы пустячному, высказался так-то, а вот Леонид Андреев -- иначе. Но "интервью" с Чеховым мы просто даже представить себе не можем.

Не такой он был человек, чтобы определенно и резко высказываться, чтобы отстаивать какую-нибудь теорию, или программу.

У него была своя логика -- художественное творчество.

И понятно, что никто не смотрит на Чехова как на учителя.

Он -- не учитель, а, скорее, любимый друг и брат. Врач, который помогает не столько своими знаниями, правильной постановкой диагноза, сколько совсем особым, душевным отношением к пациенту. Ведь от врача далеко не всегда требуют излечения. В нем ценят внимание. Тысячи больных в больнице. Не отличишь одного от другого. И все притом страдают одной болезнью, ну, тифом, что ли. Врач только тогда делается любимым, если он заметит каждого из этих незаметных людей, поймет, что для холостого Ивана тиф совсем не то, что для обремененного семьей Петра.

Чехов замечал незаметных людей. Более того, он нежно любил их, как-то изнутри понимал их несложные, но сколь для них важные переживания, а главное -- ничего от них не требовал.

В сущности, и дядя Ваня, и Николай Алексеевич Иванов, и Треплев, и Астров, не говоря уже о сестрах Прозоровых, подполковнике Вершинине и т.д., -- самые серые, незаметные люди.

До Чехова их как бы не существовало. Их никто не замечал. Они скорбели, страдали, радовались, влюблялись в каком-то коллективном одиночестве, были тварью, совокупно стенающею.

Пришел Чехов, заметил их и как-то утвердил.

Ни в чем реальном он этим маленьким людям не помог. Не указал им выхода, не разрешил ни одного мучившего их вопроса.

Но ведь и старая нянька Марина не вылечила капризничавшего профессора, не создала ему успеха, не вернула его на кафедру.

Однако она, несомненно, ему помогла. В атмосфере общего недомогания и раздражения она внесла нежную, человеческую ласку. Признала за профессором право быть таким, какой он есть, признала законность его капризов.

-- Пойдем, светик... Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею, Богу за тебя помолюсь. У самой-то у меня ноги так и гудут, так и гудут!

Здесь как бы весь Чехов.

Он с особым искусством умел поить нас липовым чаем, а главное -- за всеми его словами чувствовалось, что ножки у него так и гудут, так и гудут!

Он никому не обещал спасения, не говорил, что у него есть "секрет". Но все твердо знали, что он преисполнен жалости и *сострадания*.

И не три, а триста тысяч "сестер" почувствовали сразу облегчение. Конечно, временное, потому что Чехов лечил не болезнь, а симптомы ее, но все-таки облегчение.

Остапа Тарас Бульба не спас от смерти, но все-таки Остапу было легче от сознания, что батька его слышит.

-- Слышу! -- раздалось среди общей тишины...